

Философствование и культуры в усложняющемся мире

Ахиезер А. С.

Схід-Захід: Історико-культурологічний збірник.

– Харків: Майдан, 1998. – С. 150-164.

При використанні матеріалів статті обов'язковим є посилання на її автора з повним бібліографічним описом видання, у якому опубліковано статтю. Дана електронна копія статті може бути скопійована, роздрукована і передана будь-якій особі без обмежень права користування за обов'язкової наявності першої (даної) сторінки з повним бібліографічним описом статті. При повторному розміщенні статті у мережі Інтернет обов'язковим є посилання на сайт Східного інституту українознавства імені Ковальських.

Адреса редакції:

Східний інститут українознавства імені Ковальських («Схід/Захід»), ауд. 4-87,
Харківський національний університет імені В. Н. Каразіна,
пл. Свободи, 6,
Харків, 61077,
Україна.

E-mail: siu.kharkiv@gmail.com

Тел.: +38 057 705 26 30;
+38 096 1555 136

Веб-сайт: <http://keui.univer.kharkov.ua>

© Східний інститут українознавства імені Ковальських

© Автор статті

© Оригінал-макет та художнє оформлення – зазначене у бібліографічному описі видавництва

© Ідея та створення електронного архіву часопису – А. М. Домановський

ФИЛОСОФСТВОВАНИЕ И КУЛЬТУРЫ В УСЛОЖНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ

Рост сложности осваиваемого мира стимулировал в свое время переход от представлений о неизменности субстанции к представлению о ее динамизме, о необходимости постоянно искать все более глубокие, отвечающие этапам усложнения человеческого мира ее определения, выявление ее смысла. Субстанция — всеобщая форма освоения все более сложной, динамичной реальности, результат углубления философствования, важный элемент человеческого самоутверждения в мире. Философствование возникает как способность человека к профессиональной критике сложившегося всеобщего, как стремление искать его более содержательные и глубокие формы. Решение этой задачи постепенно углубляется, смещается в сферу анализа способности субъекта воспроизводить это единство не только теоретически, но и практически, предотвращая катастрофическую дезорганизацию, распад единства многообразия. Философствование включало напряженную работу над изменением содержания категории субстанции, наслаивания новых уровней его смыслов. Тем самым постепенно вырабатывалось представление о субстанции-субъекте-диалоге, как основе способности людей совершенствовать всеобщее, двигаясь критической мыслью в культуре от единичного ко всеобщему и одновременно от всеобщего к единичному¹. Каждый из этапов этого процесса — заявка на смену парадигматики философствования. Философствование превращается из объяснения мира, из основы знания в важнейшее определение человеческого должествования, в конечном итоге должествования в обеспечении выживаемости, жизнеспособности.

Философствование своими средствами и методами должно соответствовать потребности осваивать мир, превращать его из внешнего внекультурного, находящегося на границе освоенного и неосвоенного, в содержание сознания, культуры и деятельности субъекта во всеобщей форме. Философствование есть ответ на потребность в выживаемости во все более сложных условиях поиском новых подходов к этой проблеме. Однако фактическое состояние форм философствования может не только не соответствовать этой

задаче, но и двигаться в противоположном направлении, то есть, ослаблять способность решать проблемы выживания. Отсюда жизненная необходимость критического потенциала философствования, критика самого философствования, и не в последнюю очередь, с нравственных позиций.

1. Движение философствования

Стимул каждого акта философствования, как и движения человеческого духа вообще, следует искать не в самом появлении в осваиваемом мире новых явлений, но в результате осознания субъектом несоответствия, противоречия, раскола между сложившимися представлениями, знаниями о том или ином явлении, локусе реальности (возможно о мире в целом) и ожиданиями, потребностями, связанными с этим явлением, крушением ожиданий, экспектаций. Это создавало напряжение неудовлетворенности, возможно страдания, что порождало (могло породить) критику, критическую активность, направленную против недостаточности сложившихся представлений, знаний, неразвитости собственных потребностей, могло породить потребность в преодолении этой недостаточности. Возникновение культурологии обострило проблему возможности инноваций в культуре, позволив осознать, что на протяжении почти всей своей истории человечество жило в условиях традиционализма, где не только отсутствовала ценность развития, но существовал жесткий культурный и организационный репрессивный механизм, нацеленный на уничтожение всяких выходящих за определенные рамки изменений. Инновации, например, технический прогресс, трудно объяснить страхом гибели, который вызывает поиск более совершенных средств. Для этого опасность должна была быть осознана и превращена в основу рациональных решений. Это требовало развития если не философствования, то по крайней мере определенного уровня абстрактного мышления. В истории крайне медленно устанавливается прямая связь между интеллектуальным осознанием опасности и прямой рациональной реакцией, формирование для этого качественно новых форм деятельности. Общества, недостаточно учитывающие опасности, в частности, не способные выделить из себя правящую элиту, овладевшую реальными опасностями, и затем поддерживать ее, гибли. Оставались лишь те, кто достигал в решении этой задачи некоторого необходимого уровня эффективности.

Сегодня в нашем сложном мире хорошо известен мощный фактор, который стимулирует беспокойство философствования. Это осознаваемая опасность, ее потоки, постоянно в возрастающих масштабах пронизывающие всю жизнь общества, каждого человека. Философствование стимулируется

возникновением опасности, но лишь осознанной, освоенной, точнее находящейся в процессе освоения. Философствование выступает как путь, способ, форма этого освоения в его всеобщей форме, но оно реализуется, актуализируется, конкретизируется лишь превращаясь в решение, в формирование смысла деятельности субъекта, каждой личности.

Существование опасностей в самом общем виде определяется и объясняется господством в мире энтропийных процессов, вторым законом термодинамики, по которому все существующее непрерывно разрушается. Существует и социальная энтропия, то есть постоянная дезорганизация культуры, нарастание ошибок при ее трансляции, разрушение внешних и внутренних отношений сообщества, воспроизводственного процесса. Социальная энтропия — это тенденция нарастания дезорганизации общества. Она может принять необратимый характер, то есть перерасти в катастрофу, в разрушение (со)общества, в снижение способности субъекта воспроизводить себя, свои жизненно важные параметры, обеспечивать свою выживаемость, жизнеспособность, стабильность. Этот процесс можно описывать на разных языках, например, как рост шумов в каналах информации, как возникновение потока вызовов истории, как рост хаоса, разрухи и т.д.

Люди, любые сообщества своими функциями умеют противостоять энтропии, опасностям, хотя и несут подчас громадные потери, связанные с гибелью государств, империй, народов от самых разных причин: космических катастроф, внутренних междоусобиц, распада частей в результате их конфликта друг с другом и с центром и т.д. Общество существует только в результате собственной напряженной воспроизводственной деятельности людей, объединенных в нем, что требует осознания многообразия опасностей, их значимости для существования человечества, для превращения их в общесоциальную проблему. Общество может быть описано как противоречие, конфликт, раскол, взаимопроникновение между опасностью и способностью ей противостоять, как движение мысли и действия между этими полюсами, внутри них. Философствование составляет некоторый особый фокус способности противостоять опасности через самоутверждение человека.

Люди способны наращивать свои познавательные способности в соответствии со сложностью осваиваемого мира, противостоять вызову энтропии на ее новом витке. Осознается, что эффективное противостояние глобальным опасностям все больше зависит от усилий каждого человека, от напряжения каждого большого и маленького (со)общества. Усложнение человеческой реальности все больше выявляет эту внутреннюю раздвоенность, и одновременно жизненную необходимость синтеза этих противоположностей для предотвращения опасностей. Возможность этого синтеза зависит от

уровня и масштабов способности личности принимать эффективные решения, от ее способности формировать эти решения на основе освоения мирового культурного богатства и не в последнюю очередь его всеобщей формы, формируемой философствованием.

2. Схематизм проблемности

Накопленный в культуре опыт несет в себе программу воспроизводства, фокусируется в личности, переносит органическую перестройку, перефокусацию, переосмысление, интерпретацию и т.д., складываясь в проблему. От того, куда направлен этот процесс, как он организован, структурирован, зависит эффективность решений, в конечном итоге выживаемость субъекта. Эту структуру можно рассматривать как организацию проблемы, схематизм проблемности. По сути эволюция представления о субстанции органически связана с эволюцией схематизма проблемности, формой ее конкретизации. В древности люди принимали решения, близкие к автоматизму.

Превращение общества из статичного в динамичное требует осознания необходимости развития, совершенствования организации проблемы, а следовательно и философствования, превращающего проблемный схематизм в предмет озабоченности. Формирование, то есть формулирование проблем, становится все более важным элементом процесса их разрешения. Суть проблемности раскрывается прежде всего в способности человека так организовать знание, культуру вообще, чтобы движение мысли привело к результату, к новому знанию, смыслу, как некоторому конструктивному элементу культуры. Эта организация сложившихся знаний, нацеленных на получение нового результата, выступает как проблемы. Динамика ее схематизма превращается в предмет философствования, в элемент изменяющегося представления о субстанции.

Схематизм проблемы логически и исторически возникает из дуальной оппозиции. Культура организована как система дуальных оппозиций, как единство и одновременно множество (в древности двойка была символом множества). Тайна схематизма дуальности культуры заключается в том, что именно она создает основу для порождения таких новых элементов культуры, как новые смыслы, решения. Двоичность культуры есть такая ее организация, которая не только содержит определенным образом упорядоченное накопленное ее богатство, но и плацдарм для дальнейшей ее конкретизации. Тем самым открывается тайна двоичности. Она — условие, предпосылка, путь ее освоения личностью, одновременной и последовательной выработки новых решений, новых смыслов. Она — исходный пункт, фундаменталь-

ная основа схематизма проблемы, который, в свою очередь, — форма и одновременно и содержание культуры, одно из ее определений. Дуальность культуры организует ее внутреннее различие, без чего невозможно рождение нового смысла, так как он появляется только между смыслами (М. Бахтин). Дуальность формирует возможность осмысления, формирования нового знания через осмысление ранее сложившегося знания, через его интерпретацию. То есть, прошедший через иное, то есть, соотнесенный со смыслом другого полюса оппозиции, новый смысл возникает как форма этого иного и одновременно как его противоположность. Новый смысл рождается в результате попытки его отождествить с иным, и одновременно как выход из тождества с иным, то есть, как результат некоторого разрыва с нерасчлененностью, некоторым элементом синкретизма. Поэтому культура и сложилась через систему противоположностей, разрываемых границами. В этом объективная основа развития диалектики философствования, стремления преодолеть, снять границу через творческое формирование третьего и одновременно ее восстановить.

Схематизм проблемы исторически развивался от исходной дуальности к триаде, что предполагает последующее бесконечное формирование внутреннего разнообразия культуры, его усложнение, подобно тому, как из кирпичей можно создавать бесконечное разнообразие строений. Роль и место третьего в разных культурах меняется различно, что позволяет видеть различия в схематизме проблем в разных культурах, в разных пластах одной и той же культуры, культуры на разных ее этапах. В культуре России исторически закрепилось противостояние третьему, срединной культуре. Это характерно и для философствования. Например, главная идея впервые опубликованного отрывка из большого философского труда «Диалогия», принадлежащего редактору религиозно-философского журнала «Новый путь» начала века П. П. Перцову, заключалась в сведении триады к диаде, включая и Божественную троицу². Эта тенденция нашла свое воплощение в манихействе советской философии.

Возникающая в процессе осмысления из дуальной оппозиции триада включает, по крайней мере, три элемента схематизма проблемы: во-первых, результат освоения субъектом внекультурного объекта, его специфики, реальный и потенциальный предмет. Предмет позволяет ожидать от объекта определенных ритмов, свойств и т. д. Во-вторых, исторический опыт формирования самореализации субъекта, сконцентрированный в накопленной культуре, включенный в общий контекст ожиданий видеть мир в соответствии со сложившимися, фиксированными в культуре потребностями, желаниями, целями, ценностями. Они различны не только у разных народов, но и внут-

ри одной культуры. Третий элемент — способность соответствующего субъекта преодолевать ограниченность как прошлого опыта, знания, так и ограниченность сложившихся потребностей искать синтез того и другого на новом уровне. Противоречивое единство этих трех модальностей и составляет основной схематизм проблемы, ее организацию, нацеленную на преодоление расхождения между потребностями и возможностями субъекта, между его целями и условиями, между представлениями о мире и нравственными требованиями к нему и т.д. Освоение подобных несоответствий, что и составляет содержание формирования и разрешения проблемы, стимулирует напряженную активность субъекта, нацеливая его на превращение исходной дуальной оппозиции в новый атом смысла, в некоторую логическую точку, которая одновременно и залятая, т.е. знак продолжения.

Развитие проблемы во всемирно-историческом масштабе включает не только изменение ее содержания, но и совершенствование динамики схематизма проблемы от дуальной оппозиции к триаде и бесконечно дальше. Этот процесс, как и отказ от него, был и есть содержание истории философствования, хотя и не всегда в явном виде. Развитие представления о субстанции означает, что философствование меняет представления о структуре проблемы, вычлняя в ней и выдвигая на первый план какие-то новые ее элементы, преодолевая синкретизм, или наоборот, пытаясь к нему вернуться. Это не значит, что философы изобретают организацию проблемы, детерминируют деятельность по ее разрешению. Но они обобщают, а, возможно, и прогнозируют сдвиги динамики проблем в изменяющемся обществе. Общество может прислушаться к этому голосу, но может отправить философов на лесоповал, обращаться к власти с популярными в истории криками “распни его”. Интерпретация субстанции как деятельности требует рассмотрения проблемы как функции, аспекта активности субъекта, интерпретации ее как массовой деятельности, позволяет рассматривать проблему как результат, форму общественных процессов, как имеющую социальный аспект. Интерпретация субстанции как способности заполнять вакуум между противоположностями переносит центр тяжести проблем в сферу нравственности, а возможно и в психологию творчества, переносит проблему в виртуальную сферу. Переинтерпретация схематизма проблем не может быть завершена.

Улавливается тенденция осознания через философствование возрастающей важности для человека, для общества, для обеспечения выживаемости, жизнеспособности и т.д. акта принятия решения, осмысления. Этот сложный и трудный процесс начинается почти с нуля, с синкретизма, где не вычленяется, не рефлектируется особая озабоченность о формировании проблем, где невозможно философствование, где решение возникало как рефлексор-

ная или почти рефлекторная реакция на некоторую ситуацию. Рост значимости способности принимать решения, формировать новые смыслы означает, что, по крайней мере, с определенного уровня сложности решение проблем в возрастающей степени зависит от глубины и масштабов рефлексии философствования, от масштабов вовлеченности в него общества. Переход от философствования к схематизму проблем, к механизму принятия решений, смыслообразования есть процесс конкретизации философствования, развитие ее методологических функций, превращающий ее идеи в методологическую основу других наук. Именно здесь следует искать практическую, утилитарную роль философствования.

3. Знание о незнании

Акт познания структурирован, схематизирован сложившейся культурой, пронизан ее внутренним напряжением. Тем не менее, наше понимание проблемы неизбежно усложняется в результате развития науки и культуры. Анализ различия между знанием и незнанием в свете их достижений приобретает сложный амбивалентный характер, где примитивные формулы, унаследованные в России от прошлых этапов философствования, а возможно и от дофилософского этапа, вступают друг с другом в конфронтацию, а возможно и в диалог. Исторический опыт России содержит формулу: “мы не знаем общества, в котором живем”. Констатация нашего незнания требует конкретизации, то есть выявления предмета незнания. Незнание, чтобы стать знанием, должно быть отрефлектировано. Незнание есть некоторое знание о том, что мы чего-то не знаем и что поэтому следует познать. Незнание есть результат уже накопленных знаний. Предмет незнания совпадает с предметом познания. Знание о незнании — необходимое условие, предпосылка дальнейшего познания, но лишь при одном условии — при определенной организации этого процесса перехода, организации его в форме проблемы. Речь идет не о выборе между абсолютным знанием и абсолютным незнанием, но о мере познания. Исторически эта мера сформировалась в (суб)культуре в форме схематизма проблемы. Из этого следует, что внепроблемный тезис о незнании в России не корректен.

Превращение незнания в проблему есть формирование некоторого напряженного логического поля, пронизанного стремлением субъекта конкретизировать абстрактное знание, совпадающее с нашим незнанием. Конкретизация пустой абстракции нашего незнания происходит с вершин нашего уже наработанного прошлого знания, как попытка выработать контуры гипотетического знания. Развитие схематизма проблемы постоянно выходит за рам-

ки философствования, переходя в околофилософские науки: логику, психологию, культурологию, исследования ментальности и т.д.

4. Культура как предмет философствования

Анализ культуры методами культурологии помог понять, что знания в различных (суб)культурах формируются различным образом. В этом заключается мощный вызов философствования, подрывающий гносеологизм, сведение культуры к форме знания, что еще недавно было у нас аксиомой. Выявляется ограниченность определений субстанции, игнорирующих культурное разнообразие схематизма проблем. Погружение философствования в материал науки о культуре — свидетельство нового этапа философствования. Он знаменует выход на первый план осознания проблемы разнообразия культур, с признанием того, что познание, формирование проблем есть культурный, межкультурный процесс. Это требует отказа от монологизма, осмысления проблемы как диалога, как новой формы определения субстанции.

Этот поворот требует углубления определения культуры. Она должна рассматриваться и как программа воспроизводственной деятельности человека. Этот подход требует стабильности, преодоления опасностей катастрофы, особого внимания к специфике содержания важнейших представлений российской культуры, которые и лежат в основе программ массовой воспроизводственной деятельности, структурирования проблем. Тем самым философствование требует своей конкретизации через культурологические, социокультурные исследования. Они порождают необходимость исследования каждой культуры с точки зрения того, обладает ли потенциал ее программ необходимым уровнем, масштабами, квалификацией для развития соответствующего субъекта. Каждый шаг продвижения на пути решения этой задачи превращал ее в проблему внутрикультурного и межкультурного диалога.

5. Раскол философствования

Для философствования культурные различия существенны, возможно фундаментально важны для получения знаний, смыслов для субъекта, для обеспечения его выживаемости, жизнеспособности, стабильности, для решения проблемы “быть или не быть”. В центр философствования попадает специфика (суб)культуры, возможности на ее основе формировать программы, обеспечивающие выживаемость соответствующего субъекта, общества. Способность формировать проблемы, смыслы должна в соответствующую

щей (суб)культуре дотягивать до некоторого уровня эффективности, обеспечивающего жизнеспособность субъекта. Неспособность достигнуть минимально необходимой эффективности, различной в разных культурах, делает субъекта недостаточно способным сдерживать свою собственную дезорганизацию. Этот виток философствования нацелен на преодоление угрозы распада, на соединение ранее распавшихся аспектов жизнедеятельности. Он связан со способностью субъекта обеспечить выживаемость во все более сложных условиях, с проблемой формирования смыслов культуры, таких ее важных аспектов, как нравственность, ценности, программа деятельности и т.д. Философствование всегда рефлексировало по поводу уникальной культурной способности человека делать дуальную оппозицию “жизнь — смерть”, “существование — гибель” предметом своего сознания и деятельности, предметом решений, осмыслений, стремлений активно действовать, или пассивно подчиняться обстоятельствам, в явной или скрытой форме, продвигаясь к проблеме выживаемости, ее условий и средств.

С точки зрения общепhilософской оценки способности человека обеспечить свое существование, все (суб)культуры необходимо оценить через напряженное поле между полюсами дуальной оппозиции “стремление найти решение, смысл в отождествлении осмысляемого явления с ранее сложившимся элементом культуры (партиципация к сложившемуся смыслу) — стремление сформулировать новое решение, новый смысл”. Первый вариант представляет собой инверсию, то есть быстрое, логически моментальное движение, ищущее смысл явления в ранее сложившихся смыслах, в ритмах, в переходах в рамках дуальной оппозиции. Второй представляет собой медитацию, то есть относительно медленный поиск решения, смысла за рамками сложившегося богатства культуры, посредством преодоления ее ограниченности, выхода в новое культурное пространство, возникновение элемента “срединной культуры”. В культурах происходят изменения соотношения значимости этих логических форм. В принципе (суб)культуры можно сравнивать между собой по этому соотношению. Можно сравнивать разные этапы, разные пласты одной и той же культуры (например, высокий уровень медитации в обыденной жизни и низкий в сфере ответственности за государство). Развитие медитации тяготеет к схеме построения проблемы, включающей три модальности, тогда как инверсия может быть описана через дуальную оппозицию. Медитация есть переход от дуальной оппозиции к проблеме, к третьему. Различие между ними не абсолютно. Эти категории амбивалентно переходят друг в друга. Отказ от третьей модальности является признаком архаизации философствования, возможно попыток адаптироваться к расколу. Логически инверсия не нуждается во взаимопроникнове-

нии полюсов. Господство инверсии в ситуации, где проблема не может быть разрешена без взаимопроникновения, например, в масштабе большого общества, приводит к тому, что возникают элементы раскола, и даже распада целого, происходит разрыв смыслового поля культуры. Уже много раз писалось о том, что исторически сложившаяся культура в России при решении сложных проблем тяготеет к инверсии, к принятию решений в рамках исторически сложившихся ритмов, что и порождает в сложном динамичном обществе возможность раскола. Например, Д.С.Лихачев пишет: "Одна черта, замеченная давно, действительно составляет несчастье русских: во всем доходить до крайностей, до пределов возможного... доведение всего до границ возможного, и при этом в кратчайшие сроки"³. Это помогает понять, что проблема нашего незнания России заключается не столько в нехватке предметных знаний, сколько в характере пути нашего познания, который пока еще выбирается под значительным влиянием инверсионной логики.

Симптомом катастрофической истории России в XX столетии было глубокое несоответствие, раскол между массовым натурализмом, создавшим предпосылки для господства представления о материальной субстанции, зависимости от нее человека и целями модернизации. Она требовала коренного сдвига в философствовании, в интерпретации субстанции как включающей возрастающую значимость личности как субъекта открытых творческих решений, выходящих за рамки сложившейся культуры. Между тем, общество судорожно цеплялось за традиционное философствование, в лучшем случае за Просвещение, сдвигая его к крайним формам монологизма. В этом таилась опасность раскола не только между культурой общества и сложностью подлежащих разрешению проблем, но и опасность раскола внутри философствования, между ведущим к повышению способности решать все более сложные проблемы и попытками закрепится на формах философствования, связанных с более простыми проблемами, а также с дофилософским мышлением.

6. Многообразие форм нравственности как предмет философствования

Мощное влияние инверсии, стремление жить на основе господства натуральных отношений определило в России создание невиданного в истории гигантского сложнейшего хозяйства на натуральной основе. Оно не могло не рухнуть, так как стремилось к получению натуральных продуктов при отсутствии необходимых механизмов хозяйства, должного интереса к издержкам. И сегодня значительная часть общества пытается

ся вновь усилить значимость натуральных отношений, не взвешивая возможности, последствия возврата к утопической модели. Опыт России XX в. показал, что “самоочевидное” мышление, имитирующее естественную “натуру”, разрушительно.

Существование массового стремления в России в той или иной степени реализовать архаичные ценности было и есть фактор первостепенной важности. Это вынуждает философствовать превратить в свой предмет глубокие внутрикультурные различия в обществе, прежде всего, выходящие в результате раскола за рамки базового консенсуса. Философствовать должно опереться на анализ форм культуры, характеризующихся специфическими массовыми ценностями, разным проблемным схематизмом, различиями в самооценности форм общности, разными представлениями об опасностях, путях их преодоления и т.д. Здесь важное значение имеет различие в этике. Этот аспект культуры, ее форму можно рассматривать как нравственность. Она складывается на протяжении длительных периодов истории в масштабах, значимых для общества. Реальность идеалов нравственности определяется их массовостью.

Многообразие форм нравственности в России уже анализировалось⁴. У истоков истории страны лежит вечевая (традиционная) культура, соответствующая нравственность. Сердцевина программы вечевой нравственности заключается в обеспечении выживаемости посредством превращения неизменности в определенных рамках в высшую ценность, что требует противостояния инновациям как потенциальным опасностям. Постепенно в России возник и приобрел влияние либеральный нравственный идеал. Его специфика заключается в превращении конструктивных инноваций, повышающих эффективность воспроизводственной деятельности при возникновении все более сложных проблем, при появлении новых опасностей в ценность. Опасностью здесь является застой, то есть идеал “тишины и покоя”. Существует также утилитаризм — промежуточный идеал. На его основе любой элемент среды может рассматриваться как реальное и потенциальное средство, которое можно использовать для поддержания сложившейся эффективности, для ее повышения. Каждый из идеалов имеет свои разновидности, существуют гибридные варианты и т.д. Общая картина усложняется слабым взаимопроникновением между ними, стремлением людей использовать свой энергетический потенциал для взаимной дезорганизации. С особой остротой проходит раскол между вечевым и либеральными идеалами, между умеренным и развитым утилитаризмом, который в своих крайних формах доходит до гражданской войны, но существует и как фактор дезорганизации повседневных решений. Опасность, следовательно, лежит не в существова-

нии того или иного идеала, но сфере “между”, там, где формируются новые смыслы, решения. Эти формы нравственности лишь начинают исследоваться. Представляет интерес изучение содержания решений, смыслов в зависимости от лежащих в их основе (суб)культур, в частности, в связи с изменением значимости в культуре утилитаризма как в России, так и в Киргизии⁹.

Философствование продвигается к идее, что грозная опасность, существующая для большого общества, заключается не столько в ошибочности, то есть нефункциональности той или иной точки зрения, например, традиционализма или абстрактного либерализма, но в недостаточности их взаимопроникновения. Расколотые группы склонны прибегать к таким схематизмам проблем, которые могут закончиться катастрофическими разборками монологов. Их не останавливает и то, что при этом теряет смысл первоначальный спор монологов. Гигантские войны XX века помогают понять, что цели, ради которых они предпринимались, начинали терять смысл с первого выстрела.

На заре советской власти можно было примкнуть к красным, чтобы убивать белых во имя торжества “народной правды” и одновременно воплощения “исторической необходимости”. Но альтернатива позволяет примкнуть к белым, чтобы убивать красных во имя “белой идеи”. По сути здесь нет альтернативы. Инверсионный выбор остается в рамках ранее сложившихся вариантов, уже фиксированных в культуре. Происходит лишь смена плюса на минус и наоборот. Инверсионная альтернатива имела место в рамках катастрофического решения, когда можно было лишь выбирать между формами и лозунгами катастрофы, между расстрелом и виселицей. Инверсия по сути дает псевдовыбор. Медитация есть логика реального выбора. Современный схематизм проблем ищет выбор не между белыми и красными, не между архаичной мудростью и мудростью интеллектуала, мыслящего категориями постиндустриализма, не между сложившимися полюсами любой дуальной оппозиции вообще. Господство такого схематизма связано с прошлым. Опасностью в большом динамичном обществе является представление о выборе как инверсионной альтернативы, например, между программой непосредственного превращения России в капиталистическое общество и программой возврата к господству натурального хозяйства. Практически и то и другое невозможно, так как каждому из этих двух решений противостоят люди с достаточным энергетическим потенциалом, которые не захотят принять противоположное решение. Советский вариант решения в подобных ситуациях включал массовый террор, депортацию, что можно рассматривать как воплощение дофилософской манихейской парадигматики, превратившей в абсолют инверсионный выбор. Россия еще во время перестройки

официально отказалась от этой разрушительной парадигматики, замаскированной в научную форму учения о классовой борьбе. Проблема в том, чтобы каждый преодолел в себе эту манихейскую абсолютизацию инверсии. Необходимо совершенствование проблемного схематизма в соответствии с главной опасностью современности, направленной на ограничение значимых решений псевдовыбором в рамках инверсии. Выбор в современном обществе лежит в сфере логически сверхинверсионного пространства, ведущего к формированию меры между полюсами сложившейся культуры. Ее формирование требует повседневного напряженного творческого труда, формирования непривычных решений, где сочетались бы, возможно, несовместимые взаиморазрушительные программы воспроизводства. Нет гарантии, что общество может всегда эффективно это делать, что возникновение каких-то условий не окажется вне возможности освоения соответствующим (со)обществом. Выход лежит в такой интерпретации субстанции, схематизма проблем как способность людей заполнять реальность “между”, виртуальное пространство, своим творчеством, рефлексией, точнее, способность субъекта развивать для этого свои способности, потенции, искать свои нравственные основания.

* * *

Исторический опыт России подсказывает: фокус проблемы современного человечества не сводится к выбору между правдой или истиной того или другого субъекта. Главная опасность лежит в столкновении разных вариантов правды, разных программ решения проблем, их интерпретаций, в саморазрушении людей. В специально философском аспекте главная опасность проявляется в деградации философствования, низведению его к обоснованию неизбежности, закономерности разделения людей на группы, основная задача которых заключается в адаптации к расколу, во взаимном уничтожении. Это выражается в попытках использовать философствование для модернизации манихейства, в попытках закрепиться на позициях инверсионного дуализма, в отказе от медитационного движения к сложным формам схематизма проблемности, формирования нового для них выбора. Новая парадигматика говорит о перемещении смысла человеческого существования к проблеме возможного, виртуального, того, что человек может совершить лишь через нравственное и интеллектуальное напряжение. Повышается ценность развития философствования, то есть исследования способностей человека раздвигать границы своего существования, формировать динамику меры отношений в связи и по поводу обеспечения выживаемости как нрав-

ственной проблемы. Это не есть выбор в рамках альтернативы готовой дуальной оппозиции, когда она оказывается опасной абстракцией, приглашением к силовой разборке.

Раскол России несет важный урок человечеству. Для нее давно существует дилемма выбора между двух расколотых возможностей, двух путей решения проблемы выживаемости, двух парадигм философствования, двух форм разрешения проблем, разрушающих друг друга. Теоретически, казалось бы, есть возможность решить проблему выживаемости посредством остановки роста сложности осваиваемого мира, парализуя усложнение собственной деятельности, которая несет в себе опасности, риски, груз неподъемного усложнения. Однако воплощение этой возможности делается все менее реальным, прежде всего, в результате мощного напора человеческих потребностей.

Существует другая противоположная возможность: решать проблемы, совершенствуя человеческий потенциал, стремление поддерживать его на уровне нарастающей сложности человеческой реальности. Этот путь не дает гарантии. Но его преимущество в том, что открывается возможность осознанно развивать потенции в зависимости от напряженного стремления человека выжить. Стремление в этом направлении мотивировано нравственным долгом перед своей неповторимой жизнью, перед своими детьми, перед человечеством, всем, что живет и существует. Путь выживания лежит в развитии способности людей превратить энергию своего несогласия с реальностью человеческого мира из разрушительной конфронтации по поводу выбора между двумя путями, каждый из которых жестко закреплен за одной из сторон, в энергию формирования диалога. Неспособность, нежелание идти этим путем стало главной опасностью и одновременно фокусом проблемы выживаемости.

На первый план выходит поиск согласия, согласия о необходимости согласия по поводу его отдаленных предпосылок, формирования "худого" мира, если мы не умеем построить другой, массовое осознание того, что участие в войне, если ее невозможно избежать, не является индульгенцией на отказ от нравственности, сигналом для падения в бездну разрушительной распушенности. Нахождение некоторой медитационной точки возможного согласия, перемещение всех форм конфронтаций в сферу духа как вариантов многообразия возможностей, реализация каждой из которых становится результатом диалога, является основной проблемой в расколе общества.

Философствование не может решить этой проблемы за общество даже на теоретическом уровне, оставляя его за бесчисленными повседневными решениями миллионов и миллиардов людей. Решение по этому поводу принимает каждый из нас. Но философствование дает теоретическую, методоло-

гическую основу для этих решений, дает свои идеи для последующего диалога по поводу фокусных точек проблем, ищет пути динамики меры возможных решений. Предметом философствования сегодня в России является линия раскола, точнее способности людей ее преодолевать, способности наращивать способности это делать. Разумеется, не везде, не во всех странах есть раскол. Но везде есть намеки на него, опасность его возникновения, экспансии. Рост значимости противостояния общим опасностям в каждой точке земного шара требует анализа возможностей усиления раскола в каждом значимом решении, поиска путей его преодоления, ограничений. Это в свою очередь требует постоянного переосмысления всеобщего основания смыслообразования, решений, как формирования фокуса наращивания способности всех и каждого утверждать себя в усложняющемся опасном мире. Люди часто решали свои проблемы, стремясь адаптироваться к опасностям, к своей собственной ограниченности, нарушая тем самым свой нравственный долг перед собой, своими ценностями, своими детьми и тем самым обрекали на гибель себя и других. Тем не менее, то, что человечество существует, доказывает, что среди многообразия решений, вырабатывались и достаточно критические, нацеленные на поиск выхода за рамки собственной неспособности обеспечить свою выживаемость. Продолжение этого пути даст человечеству шанс, который ценен лишь тем, что каждый и мы все можем его реализовывать.

Литература

¹ Ахиезер А.С. Особенности современного философствования (Взгляд из России) // Вопросы философии, 1995, № 12.

² Перцов П.П. Введение в "Диалогию" // Полярность в культуре. СПб, 1996.

³ Лихачев Д.С. Без тумана ложных обобщений // Русские утопии. СПб, 1995. С.14, 15.

⁴ Ахиезер А.С. От культурологического к социокультурному анализу инноваций в обществе // Вест. Моск. ун-та. Сер. 12. Политич. науки. 1997, № 2.

⁵ Яркова Е.Н. Массовый утилитаризм — импульс динамики качественных сдвигов в мышлении и деятельности // Независимый теоретический семинар: "Социокультурная методология анализа российского общества" // Рубежи, 1997, № 10, а также Internet <http://scd.plus.centro.ru>.